

Н. А. Полевой

Дурочка

Николай Полевой. Избранные произведения и письма

Л., "Художественная литература", 1986

Составление, подготовка текста, вступительная статья, примечания А. Карпова

OCR Бычков М. Н.

I

Москва, Москва! Она близко -- только одна станция отделяет меня от Москвы, милой, прекрасной, родной Москвы -- да что мне до тебя, милая, старинная Москва! В Москве *она*, моя Паулина, и с таким же нетерпением скакал и мчался бы я в Колу, в Нерчинск, в Олонец, с каким скачу, спешу теперь в Москву -- *там* -- нет! теперь уже почти *здесь* -- моя Паулина! -- Здесь!.. О боже! Голова моя кружится; сердце мое бьется так сильно, как будто ему тесно стало тут, в груди моей...

Я не мог ехать далее -- остановился на Черной Гязи, велел отвести себе комнату и вот уже целый час хожу, сижу, ничего не делаю, ничего не думаю. О чем мне думать? Одна мысль моя: *Паулина*. И на одну такую мысль не достанет мне вечности...

Какая-то глупая рожа приходила и спрашивала меня, не хочу ли я есть либо пить?

-- Разве у вас останавливаются только для еды и питья? Нет ли у вас уголка, где живут только счастьем, только мечтою о счастье?

Мечтой! Что за вздор! Еще недавно оно было для меня мечтой, а теперь перешло в чудную сущность... О, Паулина! ты -- *моя*...

С каким безумным нетерпением поскакал я из Петербурга и мчался опрометью всю дорогу, как бесился я на людей, задерживавших меня там, в их великолепном леднике,-- они хотели, чтобы я замерз, как они... Бог с вами! Если за свободу мне можно откупиться золотом -- возьмите его и дайте мне поскорее отогреться подле моей Паулины. Расчет верен, кажется: вам золото, мне -- воля и Паулина!..

И как переменились все мои отношения, и отчего? От мешка империялов.-- За месяц, я погибал. Бездна счастья губила меня. Как тяжело было мне смотреть на мир божий, на людей, на радость! То не зависть была: такое отвратительное чувство для меня непонятно! Но тяжело мне было смотреть и видеть все таким счастливым, видеть неисчерпаемые источники блаженства в мире божьем, в жизни, в сердце моем и гореть адским огнем бесприветного горя. Медленной мукой томительной жизни видел я себя осужденным страдать, томиться до одинокой могилы или... не смею сказать!

И все изменила горсть золота!

Мне иногда приходило в мысль стать на колени перед людьми и благоговейно преклониться перед высоким доказательством небесного их происхождения.

Если оценить страшное увлечение очаровательного, звенящего демона, если оценить, что за него все покупают люди, что перед ним склоняются все страсти их, все приличия, отношения их, разрушаются все связи сердца, души, родства, дружбы,-- как не трепетать: чего не сделают люди для золота? Как не благоговеть перед ними после того, что они так мало делают для золота? Что удерживает, что спасает их? Стало быть, есть в душе их что-то выше, то, что удерживает руку убийцы, терзает потом преступника более всякой казни? Есть оно и неистребимо в душе человека -- его не отгонит оттуда звон золота, его не заслепит блеск роскоши, его не заглушит клик самых бешеных страстей! Иначе каждый червонец, блеснувший перед глазами нищего, был бы смертным приговором тому, у кого в руках этот червонец...

Я помирился теперь с людьми. Как легко мириться счастливому!

Зачем я остановился здесь? Неужели разрешать нравственные задачи жизни человеческой?

Нет! мое сердце было так полно чувствами, что я не мог ехать далее -- мне надобно было передохнуть здесь -- мир счастья душил меня! Мне надобно было облегчить душу мою думой, и я приехал бы притом в Москву ночью, и целую вечную ночь мне надобно было провести в одном с нею городе и не видеть ее -- нет! невыносимо! Тут еще двадцать верст разделяют нас -- в один час перелечу я их, и первый